



Г.Ф. Эйлерс, 1902 г.  
Сестрорецком кладбище.

### Г. Ф. Эйлерс, рукопись. Предисловие к русскому переводу.

Недавно к нам попал уникальный документ на немецком языке. Благодаря помощи Центра российско-немецких встреч (drb) мы имеем его перевод. Это копия рукописи Г. Ф. Эйлерса, сделанная его внуком Гансом-Гюнтером Эйлерсом с его же примечаниями и пояснениями.

Чтобы забытое имя вернулось через столько лет, должна была сложиться некая цепочка из событий и людей. В послесловии к рукописи Ганс-Гюнтер пишет о четырех книгах по захоронениям на Волковском лютеранском кладбище. Это работа Венедикта Григорьевича Бёма, аналогичная работе Роберта Лейнонена по Смоленскому лютеранскому кладбищу. В первом выпуске альманаха «Курортный район» есть статья В. Г. Бёма о захоронениях немецких военнопленных на

Возвращение имени Эйлерса - это конференция в Центре при Петрикирхе и работа Галины Алексеевны Ипполитовой. Она рассказывала, что, когда в начале перестройки страна стала более открыта, а архивы доступнее, многие немцы начали искать свои российские корни и родственников. Среди них был и Ганс-Гюнтер. Именно Ипполитова помогла ему найти родственников и воссоздать российский период жизни семьи. Собственно, Г.-Г. Эйлерс собрал воедино ту отрывочную информацию, поиску которой посвятил много лет. Трудно сказать, хотел ли он ее издать, либо это было только для семейного архива. Часть фотографий, упоминаемых в примечании, получены нами из разных источников и представлены в [публикации на сайте terijoki.spb.ru](http://publications.on-site.terijoki.spb.ru). В скобках по тексту даны некоторые пояснения, касающиеся, в основном, садовых терминов. В качестве приложения публикуем еще несколько фотографий из архива А. К. Высоцкого.

На Волковском кладбище на месте захоронения Эйлерса и членов его семьи все по-прежнему. Ганс-Гюнтер не смог осуществить своего желания об установке памятника.

Е. В. Смирнова, сентябрь 2018 г.

Герман Фридрих Эйлерс (1837-1917)

**Как я стал садоводом**

**1911**

*Пред каждым образ есть,*

*Кем нужно ему стать.*

*Пока его не воплотишь,*

*Покоя не видать.*

Фридрих Рюккерт

Копия Ганса Гюнтера Эйлерса от 04.05.1998

Указания к тексту курсивом.

Пожалуйста, обратите внимание на мои (Г.Г.Эйлерса) примечания в конце.

Когда я бессонными ночами размышляю о своем становлении, начиная с самой ранней юности, из сумрака моих дремотных образов с осязаемой четкостью выступают эпизоды, которые уже давали понять, кем я хочу и должен стать.

Мои первые воспоминания связаны с прошлым поколением и относятся, должно быть, к 1844/45 (1844) годам, к возрасту, когда отец отвел меня в школу, а учитель дал мне кулек с изюмом, видимо, чтобы подсластить мою школьную жизнь. Однако, я до сих пор помню, что охотнее проводил время в полях и лесах, а больше всего мне нравилось прогуливаться по отцовскому саду. Радостью для меня было, если я мог копать, сажать и сеять, чему меня учила моя мать, помощником которой я был с раннего детства. Обязанность матери состояла в том, чтобы ухаживать за садом, засеивать и засаживать его. Я, вероятно, был любимчиком матери. Она защищала меня от отца, так что однажды они серьезно разругались из-за меня. Кажется, тогда мне было лет пять.

По утрам отец уходил в канцелярию сельской обжарочной фабрики нашей местности Аурих, а мать – в сад. Мы же, дети, всегда помогали, чем могли.

Копать нам помогал старый поденщик из деревни Раэ по имени Рудольф, названный Рудольф Ом, который приходил в семь утра и работал до семи вечера, сперва за семь с половиной серебряных грошей, а потом за десять – одну марку. В обед он получал чашку некрепкого кофе, повторно заваренного утреннего. Мне очень нравилось работать с ним после школы. Моя лопата была полегче. Однажды я услышал, как Рудольф Ом сказал отцу: «Герман будет хорошим садовником».

Как-то раз он научил меня, как из четырех дощечек и разбитого оконного стекла сделать «брайбак» - парник. Когда у меня в этом парнике веточка цинерарии [декоративный цветок] однажды пустила корни, стало очевидно, что я должен стать садовником. Когда мне исполнилось четырнадцать, отец отвез меня в Лер на обучение в торговом садоводстве. Но меня не приняли, я был слишком слаб, действительно, я был всего лишь слабеньким пареньком.

Так было решено оставить меня дома еще на год и хорошенько откармливать. Теперь я мог всю работу в нашем саду, а в конце лета мне дали старое охотничье ружье, чтобы я охранял наше пшеничное поле при Кирхдорфе от воробьев. В пять часов утра я уже должен был быть там. Ружье отец купил, когда

ему в 1848 году надо было участвовать в ополчении, а пика с длинным древком была для него слишком тяжелой. Такая жизнь в полях была мне по нраву.

Когда лето прошло, отец подыскал мне место ученика на севере у садовода-художника и торговца В. Шнарре. Я должен был учиться три года, с 1854 по 1857, и заплатить за обучение 4 луидора золотом. Взамен я получал знания, квартиру и стол. Работал я хорошо и вскоре заслужил благосклонность учителя и помощников.

И вот настал суровый 1854/55 год. Корабли, которые обычно доставляли злаки из Одессы, чтобы покрыть их нехватку в Восточной Фризии, столкнулись с запретом на вывоз из-за войны с турками и вернулись назад без зерна. Это означало подорожание, и черного хлеба у нас стало не хватать. На попечении моего хозяина находилось также частное садоводство Дорката Кольмана. Тот был большим любителем садов, у него были две прекрасные теплицы и маленький садик, где я и должен был трудиться. Здесь я впервые увидел георгины, высокостебельные розы [плетистые] Маршал Ньел, и каждый год к ним добавлялись новые сорта. В горшках росли прелестные розовые и чайные розы, бенгалии [разновидность роз], фиалки, магнолии, даже мальмезон [розы, выведенные в саду «Мальмезон» под Парижем] там уже был.

Мой учитель занимался также тем, что разбивал сады и ухаживал за ними. Вместе с помощниками я должен был ходить в город на подённый заработок подвязывать виноград, абрикосы и персики. В шесть часов утра иногда было очень холодно. Мои руки и ноги мерзли так, что по щекам текли слезы. На лестнице ноги доставляли больше всего неудобств. Руками можно было обхватить плечи. Это были суровые дни и недели. Но еще хуже был голод, который на скудном питании очень скоро дал мне о себе знать. Дома, там, где картофельная болезнь [вероятно, грибковое заболевание - фитофтороз] проявилась так сильно, что огромные незасеянные поля все были перекопаны, нужда, вызванная 1847 и 1848 голодными годами, была не такой острой.

Сад моих родителей остался в большей сохранности, потому что он всегда был сухим. Однако все требовательные сорта за два года погибли, так что сажать можно было только неприхотливые растения. Тогда мы пытались вырастить из

американских семян новые устойчивые сорта, но вывести такие нежные и вкусные нам уже не удалось.

У моих родителей было две коровы, для которых на лето у нас было пастбище, сено и солома, так что мы не так сильно ощутили рост цен, хотя хлеба было мало и по утрам его заменяли мучной похлебкой и молоком. На ужин обычно был молочный суп с ячменной кашей, очень питательная еда. В близлежащих деревнях голод был тем не менее таким лютым, что разразился голодный тиф.

На карманные деньги, полученные из дома, я покупал себе только черный хлеб, но за три года досыта я наедался, только когда приезжал домой по праздникам, или когда какой-нибудь богатый крестьянин или мельник давал мне поесть, пока я разбивал сад или работал. Я охотно ходил на подработку и пахал как лошадь до девяти-десяти часов вечера, чтобы стать желанным гостем у людей, которые вскоре замечали, что я не прочь и поесть. Кормили щедро, и я наедался на два дня вперед, если получалось.

В сущности, годы моего учения были годами страданий, принесшими с собой неурожай и голод. В 1856 году они внезапно закончились. Это было весной, когда мы, то есть, помощник, работник Адам, и я проводили водоотводные каналы в древесном питомнике. Там в 4 часа каждый из нас получал по чашке чая, который обычно приносила сама фрау Шнарре. Вечером мы с работником забыли отнести чашки в дом. Следующим утром разгневанная хозяйка вызвала меня на разговор и стала грозить: «Еще раз, и получишь по роже!», на что я дерзко ответил «Это Вам с рук не сойдет!». Бац – мне прилетела пощечина от хозяина, который, незамеченный, стоял за спарманией африканской [комнатная липа], в парнике, где я поливал цветы по утрам. «Вон! Дома ты у меня еще получишь!». Но я удрал в дом, бросив лестницу на землю, переделся и выбежал из дома за omnibusом. Как ни призывал меня остаться стоящий в дверях хозяин, одна лишь мысль о голодной диете делала меня неудержимым. После пяти с половиной часов пешего пути я пришел домой и рассказал о своем приключении матери, которая сразу же дала мне порядочный кусок хлеба с маслом. Отец пришел позже, он был не обрадован: теперь у тебя нет свидетельства об окончании курса, как быть дальше? Но я был счастлив оказаться дома.

На следующий день я сразу же пошел к знакомому моего отца, садовнику Метцу из Раэ, в сорока пяти минутах ходьбы от нас, который держал сельскохозяйственную школу для крестьян, и спросил, быть может, я ему нужен. Будучи сыном «Шривера Эйлерса», я был сразу же принят и завтра же мог приступать к прививанию. Вскоре я так наловчился, что прививал по 200 фруктовых деревьев наравне с опытными работниками.

Но поначалу, чтобы справиться с заданием, я работал на час дольше. Это понравилось Метцу, и мы стали хорошими друзьями. Когда я рассказал ему о моем несчастье, он сказал: «Я давно знал, что ты умираешь с голоду, Габарген рассказал мне, что на севере тебе досталось. А что до свидетельства, это я улажу!». Когда я рассказал об этом своему отцу, его опасения исчезли, ведь его запросы и просьбы дать мне свидетельство, Шнарре отклоняли с насмешкой: я должен был прийти, наверстать упущенное время и принести оставшиеся деньги, которые обычно выплачивают, уходя. Последние мы отправили почтой. Назад мне не хотелось. Черствый черный хлеб фрау Метц нравился мне больше, чем легкий кукурузный, не подходивший моему желудку, который слишком быстро его переваривал. Спустя два часа мучительный голод опять возвращался.

Старый Метц тоже не хотел бы отпускать меня. Вскоре он передал мне свидетельство. В нем стояло похвальное: После того, как Герман Эйлерс проучился у В. Шнарре три года, здесь он... и тд. Оно было заверено сельским старостой, на нем стояла печать, и я был счастлив, что у меня есть свидетельство. *(Г.Ф. Эйлерс позднее прислал из Петербурга благодарственное письмо и слиток русского золота. Если бы не пощечина, он бы никогда не оказался за границей).*

Осенью, благодаря посредничеству Метца, я получил возможность высадить в своем старом саду около двухсот дичков яблони, толщиной в дюйм и высотой в несколько футов. На следующий год я привил их лучшими сортами, которые только смог найти в древесном питомнике и сортами Обердика, величайшего помолога северной Германии, отмеченные двумя звездами как десертные плоды и дважды как промышленные плоды. Метц дал мне партию от своих дичков груши, чтобы я и их скрестил с лучшими сортами. Этой осенью (1911) я специально

поехал из Эмса в Аурих, чтобы еще раз увидеть эти деревья, и порадовался работой своей юности.

Летом 1858 года у моих родителей в гостях была подруга моей старшей сестры Фредерики (в замужестве Дедеке), фрау Остертхун. Тогда же я и познакомился с ее восьмилетней дочерью Эммой, когда она сорвала с борсумской сливы пару плодов и, попробовав их, отбросила со словами: «Ой, какие кислые!». Это дерево с комьями земли я весной нес три четверти часа от Вегса до Метца. Интересно, что только что посаженное дерево от уже имеющихся цветочных почек дало два плода, что было моей гордостью, а выражение, которым я одарил девочку, было отнюдь не лестным. Конечно, я никогда не сделал бы этого, если бы только мог тогда подумать, что эта малышка где-то через 15 лет станет моей дорогой женой Эммой, матерью моих восьмерых детей. С помощью фрау Остертхун я вскоре получил место в Ольденбурге у садовника-торговца Хёгля. Хоть и, как выяснилось впоследствии, чтобы заместить помощника, который проходил военные учения в Кведлинбурге, на это время. Как только помощник вернулся, Хёгль отослал меня в Бремен к братьям Меет. Но и туда я был взят лишь временным работником на короткий срок. После увольнения я вновь пустился в двенадцатичасовую поездку в Ольденбург на скоростной повозке, омнибусе. Оттуда Хёгль перенаправил меня в Растеде, летнюю резиденцию великого герцога Ольденбургского, где я приступил к работе под началом садовника Вальтера. Это был, скорее, древесный питомник, так что я вновь вернулся в свою стихию. Вскоре ко мне уже относились благосклонно, потому что я был прилежным и практически одаренным. В особенности старая мать госпожи Вальтер, вдова уволенного в 1807 году придворного садовника в Растеде, благоволила ко мне, понимала и хвалила мои практичные взгляды, которые заключались в том, чтобы отдавать предпочтение и культивировать то, что приносило деньги. Уроженец Тюрингии Вальтер был образованным садовником, хорошим ботаником, но совсем не практичным человеком, так что вскоре проявилась разница в наших мнениях. Вальтер часто бывал в отъезде неделями, чтобы найти покупателей в свое садоводство. Этому всегда очень радовалась старая фрау Боссе, она проводила много времени со мной, пока я работал и объяснял ей, что я бы больше хотел

выращивать то, и это, что приносило бы больше денег. Добрая женщина поддерживала меня своим одобрением и аплодисментами тем больше, что дела наши были не слишком хороши и денег постоянно не хватало.

Так однажды я самовольно взял на себя работу над огромным парком одного помещика с клумбами и фруктовыми садами, что не понравилось господину Вальтеру по его возвращении из путешествия в Будьядингген. Но его теща держалась моей стороны и позволила себе дать зятю совет: «Только разрешите господину Эйлерсу сделать это!» Я к тому времени поумнел и сказал: «Да, работать я уже собираюсь, но пусть господин Вальтер съездит со мной на следующей неделе осмотреть место и составить план». Это сразу же обеспечило мне согласие моего хозяина, и мы вместе поехали туда. Когда я разработал свой план, господин Вальтер согласился с тем, что я собирался высадить много американских дубов и большие рододендроны. И тех, и других у нас было премного в запасе, особенно рододендронов выстой 6-7 футов и 4 фута в диаметре, превосходных сортов, которые мы взяли из придворного садоводства Боссе и которые составляли особую гордость фрау Боссе. 14 дней позднего лета и осени провел я у помещика, и, самое прекрасное для меня: на хорошем питании. Мое сильное прилежание и усердие вскоре сделали меня желанным гостем, и вечером, в качестве гостя, я мог о многом рассказать. Вальтер приезжал лишь изредка, когда я писал ему, что мне нужен его совет. Тогда он был горд своей ролью руководителя и господина. Мать Боссе также писала мне очень любезные письма, хвалила мою храбрость и постоянно благодарила за то, что я взял на себя такие прекрасные – она, должно быть, имела в виду хорошо оплачиваемые – вещи, ведь помещик был богат. Для посторонних я называл рододендроны *kalnicei*, американские дубы и другие растения тоже получали латинские названия. Сын, уже понимавший латынь, переводил названия на немецкий. Отец, мать и дети теперь хотели обладать всем, у чего есть латинское название. Сохранился ли этот парк и стал ли он таким красивым, как я обещал, мне не известно. Я знаю лишь то, что, закончив с последними насаждениями следующей весной, я попросил расчет. Вальтер написал его начисто своим прекрасным почерком. Мне причиталась хорошенькая сумма, и, самое главное, ее выплатили наличными. Я высоко поднялся в глазах моей



уважаемой госпожи Боссе, и она часто говорила: «Господин Эйлерс, вам нужно хоть раз попутешествовать с Вальтером и постараться опять ухватить такой парк». Но до этого дело не дошло.

В следующем году меня охватила жажда путешествий, я хотел больше увидеть и узнать. Так, после небольших усилий я получил место в Дрездене у садовника-торговца Химмельштоса благодаря одному моему коллеге у Хёгля, который тоже переехал в Дрезден. Там нужно было разбить древесный питомник, и добрый мой друг расхвалил меня как уникального специалиста по питомникам. Как бы то ни было, я снова вернулся в свою стихию. Из-за своего деятельного трудолюбия я часто не слышал вечерний сигнал отбоя и скоро стал любимчиком у своего хозяина. Те знания, которые я получил у Вальтера в Растеде, были здесь как раз к месту. По воскресеньям я обедал вместе с хозяином, вскоре вместо десяти талеров жалованья я получал целых двенадцать, что было исключением в садовничьем деле. К тому же квартира у меня была, а питание было недорогим. По утрам и вечерам я, как и все прочие, довольствовался местным серым хлебом и кофе. Было даже масло, пускай и намазывали его тонким слоем. По воскресеньям я позволял себе белый хлеб и молоко за три пфеннига. Каждое второе воскресенье было выходным, и я обычно использовал этот день, если только в питомнике не было неотложной работы, для поездки в Таранд и в саксонскую часть Швейцарии. Кроме этого я занимался только своей работой, охотнее всего в питомнике, процветавшем, поскольку почва там была очень хорошей, а удобрений было предостаточно.

Мой ольденбургский коллега находился неподалеку у братьев Майбир в Кондितьоне. Мы много общались, встречались в Гортулании, и он все убеждал меня, что нам нужно ехать во Францию. Там уж есть чему поучиться. Я уже было согласился, но из-за одной мелочи в дело вмешался случай. Это произошло из-за высеивания *Carinus betulus* [Граб обыкновенный] и *Rosa canina* [Вид шиповника], которые я хотел сначала засеять песком, а мой хозяин сразу высеивать.

Мы повздорили, мой Химмельштос повел себя настолько грубо, что, обиженный, я уволился первого числа следующего месяца. Хоть я сразу же и пожалел об этом, но приходить с повинной мне не хотелось, и я подыскивал себе

другое место. Мой коллега, которому я рассказал об этом вечером, сказал лишь: «Все хорошо устраивается. Я первым поеду во Францию, а Вы займете мое место.» Однако, как только я доложил о себе Майбиру, тот ответил: «Пока Вы числитесь за Химмельштосом, я не могу принять Вас к себе». Тогда мне больше ничего не оставалось. Первого числа я отправился на постоянный двор Кюршнера, где я пообедал и отправил на три дня в саксонскую Швейцарию. После этого я опять пришел к господину Майбиру и спросил, могу ли я теперь приступить к обязанностям. Он ответил: «На таких условиях Вы можете занять это место.»

Здесь ко мне тоже скоро стали хорошо относиться благодаря моему усердию, особенно старший Майбир, который руководил древесным питомником и которому я предложил свою помощь в окулировке [тип прививки] длинностебельных роз. В этом я уже наловчился, и мне доставляло удовольствие постоянно обгонять его в своем ряду. Проверая в полдень мою работу, он похвалил мою аккуратность в окулировании и сразу же взял с собой отобедать. Это меня очень обрадовало, ведь с таким жарким из ягненка и салатом из сельдерея, как у госпожи Химмельштос, было тяжело смириться. Здесь же на столе был голубой карп, что было отнюдь не плохо, а к нему лагерное пиво. Здесь мне тоже приходилось нелегко, дни я проводил в уходе за горшечными растениями, а по вечерам после работы я 1-2 часа работал в питомнике, когда знал суть дела. Это заставило младшего Майбира ревновать ко мне и частенько я должен был выслушивать, что делать это вовсе не обязательно, хотя с растениями было еще достаточно работы.

И вот вечером я больше не оставался в питомнике и попросил в обширном ассортименте *Erisee* и *Erastі* [растения из семейства вересковых] несколько растений, чтобы вырастить из них культуры. Это мне было благосклонно разрешено, и я начал выращивать и удобрять эти растения, после того как укрепил их маленькими крючками. Растения процветали и радовали меня. Со своими *Erisee* я дотемна просиживал вечера после работы и каждое воскресенье, когда дежурил или был свободен.

Только с началом следующей весны это перестало меня так сильно беспокоить. Я снова стал искать работу в древесном питомнике и этим

окончательно лишился расположения младшего Майбира. В одно из свободных воскресений – я отправился гулять со своим приятелем, помощником аптекаря, в Морицбург, чтобы собирать растения – молодой господин выместил свою злость на моих прелестных цветах Erisee. Он заставил ученика убрать крючки и подпорки и отнести освобожденные от пут растения на дальнюю грядку. Я чуть не заплакал, увидев спутанные стебли своих питомцев, пошел к старшему хозяину и попросил об отставке, причина чего уже, конечно, была ему известна. Так что он спросил лишь, подыскал ли я уже себе место. «Да, я рассчитываю на место в Курляндии у некоего барона Хана и жду лишь денег на дорогу.» Он стал решительно отговаривать меня. «Вам никак нельзя похоронить себя в провинции. Подождите немного, останьтесь ненадолго у меня при питомнике. Я же понимаю, почему Вы уходите, но должно найтись что-то еще. Вам нельзя сгнить в провинции, Вас было бы жаль потерять. Теперь же вы почти не будете видеться с моим братом.» Я остался. Вскоре после этого мой хозяин пришел ко мне с неким благородным господином и сказал: «Ваша светлость, вот человек, которого Вам следует взять. Господина Эйлерса я могу Вам порекомендовать.»: тут господин спросил меня напрямую: «Сколько Вы здесь получаете?». Я уже хотел гордо сообщить о своих двенадцать талерах, но хозяин повел глазами, встал между нами и сказал: «Да, Ваша светлость, господин Эйлерс у нас в положении подчиненного и получает всего лишь 30 талеров». «Я предлагаю Вам 36 талеров, хотите работать на меня в Петербурге?» «Тогда господин Эйлерс даст свой ответ на днях, ему сначала нужно сообщить об этом родителям.» «Езжайте прямо сейчас, и я дам Вам деньги на дорогу туда и обратно», – сказал князь. Однако господин Майбир решил: «Насколько я знаю господина Эйлерса, ради приличия захочет провести восьмидневный увольнительный срок у меня». «Ну что ж, хорошо, мой банкир договорится с Вами в дальнейшем, мы остановимся на 36 талерах». *(Нынешними деньгами – 1998 – это примерно 1.440 немецких марок или 720 ЭКЮ)*. Князь попрощался с нами, сказав, однако, что я должен найти еще одного садовника для его фруктового сада в Москве. Так я отдал свое место у барона Хана одному коллеге, который до сих пор работает в Дорпате мелким садовником-торговцем.

На место в Москве я взял своего коллегу Кёнига, который позднее женился на кожевнице и ушел с должности. Мой хозяин побранил меня, что я так легко совершил сделку с князем: «За место в Петербурге Вы должны получать больше, там очень дорого.»

На следующий день я пришел к банкиру, которому князь уже все сообщил. Еще он сказал, что это – не зарплата по меркам Петербурга, тем более что князь очень богат, хоть и скуп. Место в Курляндии я оставил, получив деньги на дорогу. К этому добавилась жажда путешествий, а мой коллега из Франции ничего не писал. Так что я принял должность у князя, попросил у отца 50 талеров, чтобы экипироваться и купить теплую одежду. Банкир дал каждому из нас еще по 50 талеров для путешествия домой, а билет до Петербурга мы должны были взять у Леопольда Эвальда. До Штеттина у нас был билет в третьем классе. Я не поехал домой и стал наконец богатым человеком. Мой коллега Кёниг вернулся из Бреслау в Дрезден и сообщил мне, что денег у него не осталось, так что я должен помочь ему до Штеттина. Я одолжил ему 30 талеров, которые получил назад лишь по прошествии нескольких лет через посредничество управляющего Калауша, ехавшего в Москву. Тогда я совершенно отвык давать деньги незнакомцам. В Берлине мы остановились на два дня, купили то и другое, в Штеттине получили билеты, потом докупили сигареты и отправились в путь, чтобы второго августа 1860 года прибыть в Петербург на Васильевский остров. После оплаты счетов за напитки и чаевых от поменянных в Штеттине денег в моем кармане осталось еще 40 копеек. Старый экспедитор Шёнцан нанял нам за 80 копеек «Iamawoi» (кучера) до самого дворца князей Юсуповых на набережной Мойки, и, в качестве так называемых придворных садовников, мы въехали во дворец.

Кёниг вскоре поехал дальше в Москву, и я его больше никогда не встречал. Извозчика нам оплатили в конторе Юсуповых, а после того как я показал паспорт, управляющий Калауш приказал выдать мне месячное жалованье в 36 рублей, чтобы мы могли купить еды. Мы получили комнату и «tschelowjek» для услуг и жили на хлебе и колбасе, пока немецкий пекарь из ларька визави не продал нам масло и сыр. В комнате уже был самовар, Кёниг взял у пекаря кофе и поставил самовар. Когда вода закипела, он добавил кофе, и мы радовались как короли. Но –

о горе! Когда мы повернули краник, оказалось, что он забит кофе. Мы налили кофе через верх, но – это нельзя было пить, таким плесневелым он был на вкус, ведь несчастным самоваром уже несколько месяцев никто не пользовался. Антону сначала пришлось его почистить. Обзаведшись ситом, на следующее утро мы уже насладились любимым, привычным напитком. Я рассказал о нашем зловонии управляющему Калаушу. Он посоветовал мне найти столовую, где мы могли бы обедать. Мой Антон показал мне русскую столовую на Фонарной, где я и ел, пока не начался пост. Тогда я пожаловался пекарю, с которым успел подружиться. Он сказал мне: «Да, дружище, сейчас пост. Вам нужен немецкий стол, мой сын отведет Вас завтра». Так молодой Бертельс спас меня от незавидной судьбы. Я нашел прекрасные обеды у фрау Мейнерт, три блюда за 25 копеек. Поскольку я сразу платил за месяц вперед, мне помимо всего прочего после еды подавали стакан кофе.

Увидев на следующий день после прибытия вверенный мне сад князя Юсупова, я был несколько разочарован. Сад, лежащий между Мойкой и Офицерской улицей, был хоть и красивым, но запущенным. В саду находилась так называемая оранжерея, где-то 30 саженей (ок. 60 метров) в длину, 3-4 сажени в ширину и 1,5 сажени в высоту. 6-8 саженей были отведены под парник, и он чаще всего привлекал мое внимание, потому что там можно было разместить грядку для размножения. В холодном отделении росло несколько апельсиновых и лимонных деревьев, а кроме того, такие обычные для холодных оранжерей растения, как *Evonimus* [бересклет], *Laurus tunus* и *Laurus ciracus* [лавр], которые могли использоваться для украшения дворца во время балов и праздников. Моя просьба позволить мне выписать немного азалий, камелий и тому подобных цветов, осталась без ответа, так как князь с женой находился во Франции. Даже в последующие годы я так и не добился разрешения. Возможно, князь полагал, что раз уж у него немецкий садовник, то и цветы должны появиться сами собой. Я должен выращивать их сам, сказал он однажды. Тем не менее, я работал с удовольствием. Зимой и следующей весной я развел так много драцены китайской, алетриса /травянистое растение/ и т.п., которые я нашел или выпросил в других садоводствах, что теплица была переполнена. Моя просьба построить небольшой

парник для декоративных растений была так же отклонена. На третий год мне позволили построить теплицу для камелий в углу рядом с домовой прачечной, что доставило мне огромную радость, я был рад и после, когда мне удалось застать цветение камелий. Но довольствоваться таким садоводством я не мог, поскольку для растений было недостаточно места, их количество нельзя было больше увеличивать, да и ничего нового достать я не мог. Знакомился я лишь с немногими из тех, с кем работал, так что и здесь знакомств не завязал и не нашел возможности учиться своему ремеслу дальше.

После того как я все больше узнавал свою повариху Мейнерт и ее сестру, приходившую в гости, с ними у меня завязались доверительные отношения, я проводил там почти каждый вечер. Поскольку было время, но не было работы, так я утешался, когда во мне вспыхивал гнев, потому что я не мог найти для себя работы по призванию. Я ведь ни с кем не общался, не имел знакомств. Направник, мой прежний приятель, ставший к тому времени дирижером при князе в его знаменитой капелле, стал мне еще противнее в своей должности. В 1862 году капелла, состоящая из крепостных числом приблизительно в 30 душ, окончательно разбрелась, потому что князь не пожелал поднять жалование с 7-9 рублей в месяц, и остался один квартет, Направнику тоже не захотелось продолжать, хотя у него был контракт на два года. Он искал знакомств в опере, его редко видели во дворце, за исключением случаев, когда он искал там место для ночлега.

Вскоре решилась моя судьба. Я женился на госпоже Мейнерт, и теперь мне было чем занять свой досуг. Лишь когда во дворце были праздники и концерты, у меня была работа на неделю, и тогда я тоже был на своем месте.

В 1862 году прибыли два чиновника: главный лесничий, австриец Й. Ланш, и главный проверяющий, балтиец господин фон Вевель, которым, как и мне, было нечем занять руки. Лесничего не посылали для проверок в губернии, а фон Вевелю не давали проводить проверки, потому что в контору главного управления чиновниками нанимали одних только крепостных стариков. Управляющий Калауш давал ему разве что свои книги, которые фон Вевель приводил в порядок, за что Калауш был ему очень благодарен. Вскоре мы втроем подружились и дни напролет с 10-11 утра до 3 часов дня играли в преферанс. После этого шли на обед к моей

жене, пили кофе и после прогулки направлялись в дом Юсупова, чтобы видели, как мы прогуливаемся по саду, где я все контролировал, затем в квартиру лесничего, что находилась на Офицерской. Мы брали в руки наши любимые карты и играли до вечера, пока у Й. Ланша не начинали подавать чай. Булки и печенья для этого мы покупали по пути домой, что экономный лесничий совершенно одобрил, тем более что обычно мы брали и на него, и его Феодосии тоже что-то доставалось. Такую беспутную жизнь мы вели два, три года или больше, и часто я испытывал страх за своё будущее. От моих 36 рублей у меня, правда, ещё немного оставалось, хотя мы нередко позволяли себе поездку в Царское Село или Петергоф.

Тогда я бросил все силы на пересадку комнатных растений, чем порядочно зарабатывал. На эту мысль меня навела Каролина Йоханссон из Голштинии, которая с тремя детьми жены генерала Йодки имела честь бывать в саду князя. По инициативе Каролины Ивановны я пересаживал комнатные растения в доме генерала и его жены, за что получал деньги, несмотря на мои отказы. Дама рекомендовала меня всем знакомым и установила цену в 10-20 копеек в зависимости от размеров растения.

Свои сбережения я сложил со сбережениями жены и в 1862 году смог подписаться на выигрышный билет первого займа, какой сегодня еще можно найти у Эрики (*её младшая дочь*). Дело моей жены шло в гору. У нас появилась мания экономить, так что в 1864 году мы смогли приобрести 8 выигрышных билетов второго займа. Но между тем, я был недоволен собой, злился, потому что перестал заниматься своим делом. В конце концов, в садовом хозяйстве мне уже нечем было заняться, потому что князь потерял к этому интерес. К тому же, уже не первый год он всё лето проводил в имении Ильинки под Москвой, а зиму – в Веве под Монтрё. Работа на предприятии жены вызывала у меня полнейшее отвращение, тем более что я, разочарованный в ней, перестал ей доверять. Короче говоря, я был по-настоящему несчастен.

Но после того как я завел знакомство с садоводом Царского Села и придворным садоводом, а именно, с моим земляком Хайдорном, то снова занялся своим делом. Там я в разнообразии нашел своих любимых питомцев, особенно у господ Барловых, у одного невероятно эрудированного садовода фон Хайдорна. У

Хайдорнов я часто гостил от трех до пяти дней. Старик Фрейндлих [придворный садовник, гибридизатор роз] во мне души не чаял, я не раз помогал ему своими знаниями в рассаднике Царского Села, куда он был нанят. С его братом, работавшим садовником на даче у Громовых, я тоже подружился. И с К. Ремпенем тоже. Но больше всего со стариком Градке. Он нередко, дружески настаивая, забирал меня из Петербурга на несколько дней, и тогда я помогал ему на даче с прививанием роз. При этом мне приходилось много рассказывать ему о садоводстве в Германии. Он сказал тогда: «Бросайте работу и поедem за границу, купим там растений и привезем сюда на продажу». Мой страх тогда ещё не утих, и я просил всех «помогите же мне найти хорошее место». В такие моменты Градке всегда отвечал, прямо как старый Майбир из Дрездена: «Вздор, Вы достойны большего». По рекомендации Градке я написал князю и предложил ему следующее: Свою садовую деятельность я хотел бы содержать на свои средства и, если необходимо, украсить цветами дворец, взамен на павильон на Офицерской улице напротив полиции для цветочного магазина по контракту на 10 лет. Главный управляющий пообещал мне, что поддержит это предложение. Но управляющий Калауш, должно быть, уже решил, что я мог бы стать мужем для его племянницы, с чем и написал тут же князю, что если он это сделает, то больше не сможет отвечать за Николаевский и Серебряный залы. По несчастному стечению обстоятельств, в те дни, когда князь еще не получил последнего письма, Серебряный зал во дворце взломали и украли 4 пуда (40 фунтов). Князь телеграфировал из Швейцарии: с Эйлерсом контракт не заключать, а Калауш обязан возместить пропажу серебра посредством вычета из ежемесячного жалования.

Так я потерял свое место, а старик Градке, к моему огорчению, ликовал. Барлов сказал радостно: «Теперь, дорогой мой друг, все к лучшему, скоро Вы легко сможете найти такое же жалкое местечко. Но на этот раз в другой стихии». Так же сказали Хайдорн и Ремпен.

Следующей весной Ремпен и Градке на неделе перед Пасхой открыли на Кирочной улице (*в настоящее время: улица Салтыкова-Щедрина*) цветочную лавку, и я, конечно, должен был помогать. Здесь я оказался очень полезен, несмотря на мой плохой русский. Дело оказалось прибыльным и успешно



развивалось. Теперь мне все это чрезвычайно нравилось, и я пришел к мысли: этим ты тоже можешь заниматься с удовольствием. Это была Пасха 1867 года.

Весной 1868 года мы с Градке отправились за границу. У него с собой было больше 1000 рублей наличными. Поскольку наше дело должно было быть общим (меня тоже охватил кураж уверенности Градке), я заложил в императорский банк 8 выигрышных билетов и в июле тронулся в путь с 400 рублями. Сначала в Берлин, потом в Лейпциг, Дрезден, Ганновер, Голландию, Бельгию и даже в Париж. Здесь мы закупили маленькие апельсиновые деревья. Правда, мне приходилось сдерживать Градке, особенно в Дрездене, иначе он купил бы в три раза больше, чем было нужно. Не успели мы вернуться обратно, как подоспели партии товаров. На таможне я сам все уладил. В Царское Село шло все, что не было заказано уже за границей и упаковано для Москвы, Харькова и Петергофа. Если при закупке я боялся, что мы возьмем слишком много, Градке всегда говорил: «Я беру по себестоимости все, что мы не продадим». При этом его садовое хозяйство было изрядно переполнено. К счастью, у него был прекрасный дом для разведения азалий в парнике, и он блестяще поставил дело на ноги, восторгался и называл меня «заяц».

На следующий год он сделал все так же, если не лучше, хотя я снова его сдерживал. Но когда распустились ростки, владельцы других магазинов – тогда это всё были русские – увидели толпы и начали сбивать цены. Поэтому Барлов и сказал на собрании с Градке, Ремпенем, Фрейндлихом и Хайдорном: «Ничего тут не поделаешь, придется Эйлерсу открыть свой магазин, мы все поможем». Так и случилось, кажется, 3 или 7 октября 1869 г.

На улице Гороховой, на углу Морской 14/28 я снял маленький магазинчик, всего две ступени вниз. Его раньше держал в особняке Ворониных какой-то торговец стеклотарой. Там я приступил к работе, и дело шло неплохо. Тогда 1 декабря 1869 г. прямо на углу Морской обанкротился один портной. Жена кондитера Гонсуара, которой принадлежал угол, предложила этот магазин мне, если Воронин будет не против. Он был согласен. Здесь дело пошло совсем хорошо. Это был первый магазин цветов с зеркальными витринами на большой улице. Другие магазины находились за Казанским собором: Ушакова и Яковлева и один

Очева (или: Стахева?) возле моста через Мойку, еще один Яковлева в крытой галерее и маленький за рестораном «Палкинъ» на Невском проспекте. Наш был самым красивым магазином и располагался в хорошем месте. Только найти товар на продажу было сложно.

Главным поставщиком был Градке, у Барлова я скупил все камелии. Они поступали, белые цветы по 75, красные по 40 копеек. Без камелий делать было нечего, букет должен был быть из камелий, безусловно ровно связанных, если на это хватало длины. Для этого мне изготовили проволочный каркас. Чтобы камелии стояли долго, все они смазывались парафином, т.е. раздвигались лепестки и между ними под пламенем капался парафин, так они склеивались. Вскоре я добился в этом необходимого мастерства и не одну ночь до 12 часов проводил за склеиванием.

Я немного вернусь назад, чтобы осветить предысторию моего приезда в Санкт-Петербург. После того как я сжился с возложенным на меня садовым хозяйством, моим величайшим устремлением стало знакомство и с садами Петербурга. От А. Хёкля, с которым я познакомился ещё в Дрездене, я узнавал многое. Так я узнал о садовых хозяйствах Хедвига Альварта, Большом проспекте, про угол Каменноостровского проспекта и вмятину на Карповском мосту, про Ботанический сад, и, конечно, знаменитое садоводство канцлера Нессельроде. Итак, в первое воскресенье я пешком отправился туда, по мосту через тогдашнюю Фонтанку я вышел на дорогу к садоводству Хедвига, где, входя в ворота, столкнулся с самим Хедвигом, который дружески позволил мне осмотреть его сад и направил меня к своему помощнику, господину Коху, маленькому сутулому человеку. Когда тот увидел, что я курю сигару, (я привез с собой штук сто), то попросил меня подарить ему немецкую сигару, и по одной мы выкурили вместе.

После того как я осмотрел садовое хозяйство, мне захотелось в хозяйство Марча на углу Архиерейской, я было дошел до угла Пушкарской. И тут на меня набрасывается *garadawoi* (шутцман), и как закричит: «Здесь нельзя курить», - хватая мою сигару, которую я выпустил со страху, и тут-то мне вспомнилось, что в Петербурге нельзя курить на улицах. Обрадовавшись, что так дешево отделался, я поспешил через проспект, и, обернувшись возле входа в садовое хозяйство

Марча, увидел, как мой garadawoi на углу Пушкарской с превеликим удовольствием раскуривает мою сигару.

Когда я, вручив свою визитку, сообщил о себе Мартчу, он попросил передать, что меня проводит помощник. Экономии ради я заранее зажег сигару и пошел за ним по территории. Во втором здании этот человек вынул сигару у меня изо рта и со словами «Вы позволите?» начал усердно ее раскуривать. В третьем здании он с благодарностью вернул мне ее. Для меня такое поведение было чересчур странным, и я сказал: «Благодарю Вас, курите на здоровье, я возьму новую». К тому же, мне показалось, что запасы быстро подходят к концу, и, пойдя к Альварту, я не закуривал новой до тех пор, пока не оказался в безопасности в своей квартире. От Альварта я пошел еще к Буку, где завязал знакомство с К.Й. Гауглером, вызвавшимся посетить со мной в следующее воскресенье другие садовые хозяйства на островах Петербурга.

И хотелось бы упомянуть еще об одном эпизоде. Это произошло, кажется, в 1862 или 1863 году. К Троице у меня расцвели старые азалии и рододендроны. Поскольку семья князя пребывала за границей, я спросил управляющего, нельзя ли преподнести эти цветы семье жены государя, графу Рибопьеру [отец жены князя Н.Б. Юсупова, владел домом по Б.Морской, 19]. Я преподнес графине букет к Пасхе, чему она оказалась необычайно рада. Господин Калауш сказал: «Если будете продолжать в том же духе, графиня напишет о Вас князю.» Итак, я послал туда со своими людьми все, что имел в наличии, и довольно красиво разместил цветы на эркерах вдоль Морской. Когда я управился, прибыл старый граф, обратился ко мне по-немецки, похвалил, достал из сумки 5 рублей и вручил их мне. Это были первые «na tschai» (чаевые), которые я получил в России, чему я был очень рад. Если бы кто-нибудь сказал мне, что через полвека я стану хозяином в этом доме, я бы, конечно же, не поверил. Печальный удар судьбы: на другой день с графом случился удар, и он скончался. Мне пришлось отправить телеграмму его дочери, графине Юсуповой, чтобы она оплатила похороны отца.

Весной 1870 года ко мне в магазин зашел один господин, представился архитектором Слупским и спросил, не хотел бы я арендовать в городе садовое хозяйство. Я тут же выразил свою готовность. Он попросил прийти на следующий

день к трем часам в министерство путей сообщения на Фонтанке. Там он проводил меня на третий этаж, представил старому генералу и сказал: «Это господин Эйлерс, он намерен арендовать садовое хозяйство. Я покажу ему все.» Мы направились через сад министерства, и он показал, с чем я буду иметь дело. Осмотрев хозяйство, я оценил состояние растений, и мы ушли. После этого я предложил цену в 300 рублей ежегодно по контракту на пять лет. Но заметил, что надо бы закупить инвентарь, и попросил вызвать садовода, который решит, что нужно. «Вы сами можете это сделать. Господин Слупский отзывался о Вас как о порядочном человеке.» На растения я готов был потратить 600 рублей, и это его устроило. Так я заключил первый контракт с садовым хозяйством, заплатив 600 рублей на следующий же день.

Так я пришел к моему первому садовому хозяйству на Садовой и сразу попросил разрешить мне построить несколько теплиц, поскольку единственной теплицей там была так называемая оранжерея, где рос бересклет и другие растения. Совсем малой частью была теплица с множеством плектогине [совр. аспедистра, распространенное комнатное растение], рафий [длиннолистная пальма], представляющих для меня ценность. Эти культурные растения я выращивал для оформления летней террасы. Господин Слупский выразил готовность предоставить мне чертежи планируемых теплиц. Я отыскал архитектора в его квартире на Гороховой.

На мой звонок открыла дверь довольно молодая дама, поприветствовав меня по имени, попросила войти «Мой дядя скоро придет». Посмотрев на мое удивленное лицо, она сказала: «Мы с Вами, кажется, не знакомы. Меня зовут фрейлейн Шпедер». С этой дамой обстояло так: в 1861 или 1862 году жил с нами на Большой Мещанской пожилой пенсионер, бывший служащий, господин Шпедер. Он внезапно заболел, а спустя несколько дней скончался. Перед болезнью к нему заходили его прежняя служанка и старшая дочь. Последняя вскоре заметила, что его бывшая подруга через несколько дней после смерти старика вынесла из комнаты много вещей, и попросила меня вмешаться. Об этом тут же сообщили полиции, а комнату опечатали. У меня же была своя нужда, чтобы это готовая к сдаче комната досталась мне. Это продолжалось два-три месяца, пока

печать наконец не сняли, но теперь опечатывался каждый предмет в отдельности, до тех пор, пока через несколько месяцев все вещи не ушли с молотка. В связи с этим через одного немецкого предпринимателя, представившегося мне ее опекуном, я узнал, что существует и дочь помладше. Он сумел оценить мое неблагоприятное положение и сказал: «Немедленно предоставьте в сиротский суд свои счета, а я позабочусь о том, чтобы они для начала были оплачены.» Через некоторое время он попросил меня зайти и сказал: «Дочь взыскала в сиротском суде деньги, идите к ней и скажите, что у Вас будет ее паспорт для того лишь, чтобы она платила Вам по счетам, в противном случае, она вскоре отправится в провинцию.» Когда я потребовал 200-250 рублей, то узнал, что она получила место гувернантки в одной русской глубинке, и ей самой нужны деньги на сборы. Если бы я взял у неё деньги, – она была сиротой, – ей бы пришлось потерять место. Она начала жалобно плакать и попросила: «Не делайте меня несчастной!» Не могу видеть женские слезы. Я махнул рукой, сказал: «Бог с Вами» и покинул комнату. Она пошла за мной следом и сказала: «Если у меня будет что-то, я Вам вышлю», чего, однако, не произошло. Только здесь, в квартире господина Слупского, мне пришлось встретить ее снова.

Когда однажды спустя некоторое время я спросил господина Слупского, как вышло так, что он предложил мне садовое хозяйство, он ответил: «Племянница попросила меня об этом, она знала Вас раньше.» Так моя прошлая потеря обернулась удачей.

Годы шли. Дело моей жены продолжало процветать. Я помогал чем мог, мне даже пришлось на два месяца вместе со служанкой взять на себя управление, самому каждое утро в 6 часов совершать покупки на сенном рынке, когда жена лежала в санатории. Но я так и не вошел во вкус. Я слишком ощущал себя садоводом и жаждал вернуться в садовое хозяйство.

С тех пор как я получил в аренду Юсуповский сад, я был несказанно счастлив. Бывал там с пяти утра до 10-12 часов, затем бежал в свой магазин на Гороховой улице и проводил там время до вечера. К обеду на час возвращался домой, а вечерами занимался корреспонденцией, с которой не успевал управиться в магазине. Нередко до двух часов ночи я еще сидел в своей каморке со светом, пока

не занималось утро. Я часто трудился до изнеможения, но смог отправиться в годовой заграничный отпуск, после которого был снова полон сил.

Моя жена, заметившая вскоре после нашей свадьбы, что я будто бы несчастен, заговорила о том, что нам нужно взять квартиру побольше, с просторной спальней, залами для обеда, как в ресторане и т.п. Видимо, такая квартира была рассчитана не меньше чем на 200 человек, обедающих с 12 до 5 часов. Не спросив меня, она после некоторых поисков нашла другую квартиру. Мы переехали на Гороховую улицу, где у нас было все, о чем можно мечтать. Но я пользовался возможностью все больше освобождаться от дел на предприятии жены, заключил на ее имя контракт, что спустя пару лет принесло мне много суровых часов и месяцев. Вопреки моему желанию и своему обещанию моя жена позвала к нам из Мемеля свою мать и младшего брата. Моя неприязнь к ним обоим во время смерти супруги в 1872 году, к сожалению, оказалась искренней.

Теперь, после того как у меня появилось садовое хозяйство, я, хоть и остался в прежних деловых отношениях с другом Градке, – мы занимались импортом растений – все же половину закупленного я вез в свое хозяйство, так что мы перестали вести такое тесное сотрудничество, вскоре каждый остался при своем и действовал, руководствуясь личной ответственностью.

Дела в цветочном магазине на Гороховой с поддержкой садового хозяйства стали идти значительно лучше, и я начал зарабатывать.

Я настоял на том, чтобы родители Йоханны Дедеке (ее мать была мне сестрой) отправили Йоханну в Берлин обучаться у И. Шмидта. Там она приобрела совершенно новый вкус в составлении цветочных букетов, что вскоре было замечено общественностью и привлекло новых покупателей. В 1878 году Йоханна пришла в мое садовое хозяйство.

До нее я уже позвал своего племянника Фридерика Фрерикса из Ауриха, в магазине он оказался очень полезен, ведь вскоре я узнал, что свои люди необходимы, чтобы уберечься от воровских русских руководителей. Фридерик Фрерикс показал себя понятливым и нужным в магазине человеком. К сожалению, в 1875 году он утонул в Неве, когда я со своей второй женой Эммой, в девичестве Остертун, был на курорте в Райхенхалле.

Вскоре, спустя около двух лет, я имел счастье пригласить на работу моего Якоба Зааля. С ним пришла и удача, с ним я обрел настоящего друга в торговом деле. Позже Якоб взял в жены мою племянницу Йоханну Дедеке.

Моя прибыль была так велика, что, когда в 1879 году я все подсчитал, оказалось, что я заработал свои первые 100 000 рублей. Я не мог не подметить зависти со стороны своих коллег, однако им приходилось проявлять уважение к моему трудолюбию и таланту, так было, к примеру, со старым предприимчивым Регелем [директор Ботанического сада по науке, основатель питомника «Помологический сад Регеля-Кессельринга»], назвавшимся вскоре моим другом, хоть он и боялся меня как конкурента. Если быть точным, это было в начале 80-х годов, когда я предложил ему отдать мне его готовый товар для продажи на Каменноостровском проспекте (второе садовое хозяйство, цветочный магазин), потому что там я бы установил другие цены, как он в своем древесном питомнике. Были и коллеги, смотревшие на мой успех с завистью и презрением, например, наш высокоуважаемый господин президент Е....., который получал обо мне от друга Эндера [старший садовник Ботанического сада] подробные сведения. Штегеман с женой видели во мне нечто большее, чем возвышенную натуру, пусть даже немного завидовали, этим сильно грешил и сосед Потеска. А именно, когда я повторил его зимний сад, он все время переходил на другую сторону проспекта, чтобы только не проходить мимо моего дома.

Однажды друг Абела из Царского Села разозлился на меня. Во время похорон барона Штиглица средства, внесенные за зал, были слишком велики. Но я успокаивал Абелу: «что Штиглиц умирает только раз». И это его утешило.

В 1879 году я купил два земельных участка на Каменноостровском проспекте рядом с садоводством Штегемана. Там я построил несколько помещений, предназначенных только для цветочных культур. Весной 1880 года я выкупил у Штегемана его садовое хозяйство за 85 000 рублей, вскоре после этого соседний дом и дом Агапомова номер 27. До этого я купил узкую полосу у Лапина, затем последовал приличный кусок на Архиерейской, так что эту территорию я объединил в прекрасный комплекс. Здесь в 1887/88 годах был построен так называемый «Новый Свет». Но вскоре мне пришлось признать, что земля обошлась

слишком дорого. Поэтому в 1898 году я купил 16 десятин (= 17,4 га = 174.000 м<sup>2</sup>) обширной земли на Безбородкином проспекте на Выборгской стороне. Там заключается будущее моей фирмы и моих детей, если они будут разумными, старательными и скромными, и даже будущее моих далеких потомков. Ведь у этого садового хозяйства есть будущее в России, как в цветоводстве, так и в других областях садоводства. Моим потомкам не придется бояться за своих детей. Всем им следует научиться работать. Если садоводство и сложно (я узнал это на своем опыте), в любом случае, это дело, полезное для души и тела. Где еще отыщешь такое интересное времяпрепровождение? Оно всегда приносит что-то новое, радость от успеха, который при старании и терпении не заставит себя ждать. В садоводстве это, что называется: «Своя рука владыка!». Сего я желаю своему потомку и надеюсь, сыны еще несколько поколений смогут получать хлеб и успехи от дела всей моей жизни. Аминь.

Лишь одному придется стать руководителем всего этого, по меньшей мере, ему должно принадлежать последнее слово относительно всего, что происходит на предприятии. Он должен заботиться о том, чтобы на производстве и производственной кассе требования были не слишком завышены. Все время нужно располагать порядочным резервным капиталом, по возможности в разных банках и в надежных ценных бумагах, с тем чтобы плохие годы, сопровождаемые природными явлениями, пожарами, градом, бурей, смерчем и тому подобным не смогли поколебать крепкой структуры предприятия. Необходим резервный капитал в размере 100 000-150 000 рублей помимо оборотного капитала примерно в 100 000 рублей. Когда это будет достигнуто, вы сможете рассчитывать на ежегодную чистую прибыль, хорошую независимую жизнь и обеспечение оказавшихся в нужде родственников, на помощь им в той мере, в какой это не приносит делу вреда. Но главное, чтобы вы жили невзыскательно, не пускались между собой в большие разногласия, не требовали многого. Так прекрасное дело будет приносить только благо.

Послесловие:

Вся жизнь моя как садовода была непоколебимым стремлением, после множества препятствий и промахов, часто произрастающих из незнания и



торопливости. Но доставшийся мне от матери характер и семейные качества Фрериксов всегда одерживали верх. Практическое трудолюбие, никогда не угасающая энергия моих предков по материнской линии и невзыскательная критика личных достижений, передавшаяся от покойного отца, никогда не позволяли проявляться гордости от успеха и предостерегали меня от завышенной самооценки. Так я оставался скромным в своих потребностях, не знал больших желаний, хотя денежные средства позволяли, и был счастлив тем, что получал. Достаток рос с прибавлениями в моем семействе и укреплял мое рвение к делам и увеличению предприятия. Оно может существовать дальше только благодаря работе и в том случае, если трое моих сыновей будут крепко держаться вместе. *(Четвертому сыну, Августу, было в 1911 году уже двадцать два года. Не понятно, почему речь идет не о четырех сыновьях)* И их потомкам, и мне можно надеяться, что еще мои внуки доживут до столетия существования фирмы, ей же воодушевляемое на продолжение и передачу приобретенного третьему и четвертому поколению. *(Столетие существования фирмы отпраздновали в садовом хозяйстве в Штокельсдорфе и в цветочном магазине Гамбурга).*

Осталось сказать главное:

Великолепное садовое хозяйство на Безбородкином проспекте и торговый дом на Морской 19. Если оставить их вместе, будут процветать долгие годы. Но если не уделять внимания одной части предприятия, а другую обратить в деньги, фирма Г.Ф. Эйлерса пойдет ко дну, новые усилия не вернут потерянного.

### **1998 Примечания Ганса Гюнтера Эйлерса.**

Этот текст был составлен в 1911 году по желанию сына Константина. Оригинал предположительно находился в квартире Гертруды и Кости Эйлерсов в Любеке, Факенбургер аллее 16, и там во время воздушного нападения на Любек в ночь на Вербное воскресенье сгорел. Я располагаю копиями, сделанными на машинке. Здесь назову их (А) и (В). В них присутствуют видимые отличия, и обе плохо прочитываются. Поэтому я подготовил этот третий вариант. Послесловие в (В) начинается так: «Поскольку наш дед...» Так как воспоминания и послесловие, очевидно, набраны на одной машинке, следует заключить, что (В) принадлежит

поколению внуков, я предполагаю, моей двоюродной сестре Инге Мильде, ур. Эйлерс /дочь старшего сына Германа/. Копию (А) отдал нам Хеннинг Мильде из имущества своей матери. Кто написал ее, нам пока не известно. Инге написала в качестве замечания нечто следующее: «15 января 1983 получила улучшенный формуляр (должен называться копией)». Но после этого (В) не мог бы принадлежать Инге, так как оригинал (В) должен был бы находиться в ее распоряжении. По причине лучшей разборчивости я взял за образец (А). При этом внес некоторые незначительные поправки, прежде всего касающиеся знаков препинания.

При вычитке, сравнивая с (В), мы с Карен [жена Ганса-Гюнтера] установили, что все же между (А) и (В) существуют значительные различия. (В) строже, производит впечатление оригинала, лаконичнее, (А) написан подробнее, содержит больше ненужных вставных слов типа «очень», «часто», «раз», «что затем и произошло» и т.д. В связи с этим, свою копию я отредактировал в направлении (В), так как мы подумали, она больше соответствует характеру деда, какой мы узнавали из его писем.

К обеим копиям в конце добавлена копия публикации Фридриха Дедеке, Штайнберген, в журнале «Цветоводство и растениеводство» («Der Blumen- und Pflanzenbau») от 5 и 9 января 1940 г., которой у меня при себе нет. Она носит название «Немецкий садовод как меценат садовой культуры в России» («Ein deutscher Gärtner als Förderer der Gartenkultur in Rußland»). Это изложение интересно, но не лишено ошибок. Мы располагаем копией в две страницы из журнала и по требованию можем сделать дополнительный экземпляр.

Г.Ф. Эйлерс родился 21 сентября 1837 г. в Аурихе (Восточная Фризия) и умер 4 августа 1917 г. в Терийоки (Финляндия) (в настоящее время: Зеленогорск). Похоронен на лютеранском Волковском кладбище в Санкт-Петербурге рядом со своей женой. На могильной плите жены все еще видно надпись на немецком языке. Для деда сейчас должна устанавливаться именная табличка на камне. В дальнейшем там будут стоять памятники первой жене и брату Августу второй жены. В этом году место захоронения местных родственников должно быть обнесено новой железной оградой. 5 июня этого года в Санкт-Петербурге

отмечают 225-летие существования этого кладбища. К этому дню готовятся пять докладов по-русски, один о семье Эйлерсов. Об истории кладбища вышла книга на русском и немецком языках с планами и указанием всех на нем погребенных.

Ганс Гюнтер Эйлерс.

## Биография моего деда Германа Фридриха Эйлерса (1837–1917) и его семьи

*Примечания к представленным **фотографиям, публикациям и текстам.**  
Вышеперечисленное можно запросить у меня.*

*Для ориентирования в поездках по Санкт-Петербургу могут пригодиться FALK  
Карты. Я пронумеровал список мест, связанных с историей семьи, и могу  
дополнить план соответствующими числами.*

Родился 21.09.1837 в Аурихе/ Восточной Фризии.

С 1854 г. – обучение садоводству, затем работа в различных садовых хозяйствах. В 1854/1855 году в Восточной Фризии разразился голод, так как из-за войны с Турцией прекратились поставки зерна из Украины. Тогда дед решил эмигрировать.

1860 г. – работа в древесном питомнике при садовом хозяйстве Гиммельштосса в Дрездене. Там граф Николай Борисович Юсупов (1831–1892) обратился с просьбой найти молодого, умелого садовника для управления его личным садовым хозяйством при дворце на Мойке 94 в Санкт-Петербурге. Дворец был и есть богато и красиво устроен. **Фотографии и публикации.** В нём есть собственный небольшой театр и зал для балов, который дед должен был украшать по случаю празднеств. Сегодня в зале организуются небольшие концерты. Также в настоящее время можно посетить дворец с экскурсией. Прекрасные портреты дочери князя, ее мужа и внука Феликса, выполненные художником Серовым, находятся теперь в Русском музее в Петербурге. 17 декабря 1916 г. Феликс убил Распутина в подвале дворца.

02.08.1860 – прибытие в Санкт-Петербург. Работа там была едва сносной, садовое хозяйство маленькое, князь, несмотря на своё непомерное богатство, скуп,

не заинтересован в идеях деда и проводил большую часть времени в путешествиях или в своем московском имении.

(Без даты) – первый брак с Минной, урождённой Штанцлейт, овдовевшей Мейнерт, умершей в 1872 году. Могила на Волковском кладбище. Детей нет.

1869 г. – первый цветочный магазин на Гороховой улице.

С 1870 по приблизительно 1905 г. – аренда первого садового хозяйства на Садовой улице, на восточной границе Юсуповского сада на территории бывшего министерства путей сообщения.

1873 г. – второй брак с Эммой Гезине, урождённой Остертун, (1851–1899) из Остенбурга под Ольденбургом. Восемь детей.

### *Много фотографий*

С 1879 по 1913 г. – второе садовое хозяйство на собственном земельном участке, Каменноостровский проспект 23.

Гэртнер Цайтунг на страницах 159–164.

### *Публикации с фотографиями*

В маленьком жилом доме при садоводстве родились трое детей (Хелена, Герман и Гайо). В большом доме на территории второго садового хозяйства – остальные дети. Первых троих детей крестили в лютеранской церкви Св. Анны. В настоящее время в ней находится кинотеатр. После переезда на Каменноостровский проспект семья стала принадлежать лютеранской общине при Петрикирхе. Неподалеку находится очень почитаемая ранее школа Петришуле. Вплоть до Первой мировой войны преподавание в ней велось на двух языках: на немецком и некоторые предметы – на русском. Грандиозная Петрикирхе была возведена в прошлом столетии в неороманском стиле. В 50–е годы ее перестроили под бассейн. Несколько лет назад церковь вернули небольшой лютеранской общине. При государственной и частной поддержке с немецкой стороны община пытается восстановить внутреннее торжественное убранство церкви.

Также в 1884 году царским указом деду было присуждено звание рыцаря третьей степени ордена Святого Станислава «за добросовестное выполнение работы, усердие и необыкновенные успехи.»

1893 г. – бракосочетание старшей дочери Хелены с русским офицером польского происхождения Йозефом Матвеевичем Высоцким. Пятеро детей.  
*(Примечание: перед Первой мировой войной большая часть Польши принадлежала России, а остальная – Германии).*

1894 г. – семье было предоставлено русское гражданство. 3 месяца спустя присуждено звание почетных потомственных жителей. Исключение: двое старших сыновей (Герман и Гайо), получавшие в то время образование (школа, обучение в вузе, армия) в Германии.

### ***Текст***

Покупка участка леса площадью 116 000 м<sup>2</sup> в Терийоки (в настоящее время: Зеленогорск = Зеленый городок). Там до 1914 года покупка и строительство шести дач как для себя, так и для детей и их семей. Эта территория после Первой мировой войны отошла Финляндии. Младший сын (Август) развил там небольшое садовое хозяйство и занимался пчеловодством. Вместе с женой Любой он следил за состоянием построек и участка. В перерыве между войнами участок стал местом встречи и отдыха семей, рассеянных по разным западным странам. Там всегда царил прекрасная атмосфера. Я был там в 1926 и 1939 году. К сожалению, петербургские родственники, живущие всего лишь в шестидесяти километрах от участка, не смогли приехать. Сегодня эта территория принадлежит России. Существуют еще две дачи. Их перестроили в развлекательный центр «Ёлочка». Многие дома постепенно разрушились. Все лежит в развалинах. Жалкое зрелище! Мои родственники по материнской линии от случая к случаю в этой местности собирают грибы.

### ***Фотографии с 1894-го года и по настоящее время***

### ***Планы начала 1914 года и развлекательного центра сегодня***

### ***Текст***

1895 г. – назначен поставщиком царского двора.

1896 г. – назначен поставщиком двора принца Уэльского.

Орден красного орла 4 класса короля Пруссии.

1897 г. – приобретение дома на Большой Морской улице 19, в сердце города, в качестве центра предприятия. Площадь земельного участка 1180 м<sup>2</sup>.

1898 г. – создание третьего садового хозяйства очень большой собственной территории в 160 000 м<sup>2</sup> на Безбородкинском проспекте 14 (в настоящее время: 60), из них 40 000 м<sup>2</sup> были застеклены. Одно удлиненное центральное строение с узкоколейными путями, по обе стороны от него 180 теплиц, каждая 40–50 м в длину. Задействовано 200 рабочих. Небольшая часть садоводства, а именно часть застекленной территории, используется и сегодня городским совхозом. Большая часть территории застроена комплексами жилых домов. Вероятно, существовал план перенесения садового хозяйства далеко за его пределы, чтобы выиграть территорию для дальнейшего строительства близлежащих к городу домов. В целом именно Герман Август Генрих, старший сын, распланировал это садоводство и следил за ним. Он выращивал названный в его честь сорт сирени, отличающийся светло-голубым цветом с красноватым оттенком и особенно прекрасным ароматом. Огромные кусты этой сирени и по сей день растут на территории петербургского садового хозяйства. Один кустарник находится в Штоккельсдорфе под Любеком у Имгард, вдовы Зигфрида, одного из сыновей Германа, в саду жилого дома при прежнем садовом хозяйстве, основанном в 1919 году Германом. Другой экземпляр кустарника – у Рут, младшей дочери Германа.

*Несколько публикаций Германа о третьем садовом хозяйстве в Петербурге.*

В 1899 году умирает Эмма Гезине, вторая жена деда. Его подхоронили к ее могиле на Волковском кладбище в 1917 году. Здесь же находятся надгробия первой жены деда и Августа Остертуна, брата Эммы Гезины. Надгробный камень с немецкой надписью еще в хорошем состоянии, нужно только заново заложить под ним фундамент.

### ***Фотографии***

Родственники со стороны Высоцкого хотели обнести захоронение новой железной оградой и присвоить себе. Вероятно, на этом месте погребли и Елену, сестру моей бабушки Эммы Гезины, не возведя при этом надгробия. Она была замужем за врачом, доктором Альфредом Генрихом из Хёгерштедта, и погибла в Ленинграде в 1926 году из-за тяжелейших жизненных обстоятельств.

Также в 1899 г. – присуждение царем ордена Св. Анны.

1905 г. – два тяжёлых апоплексических удара

1906 г. – сын Константин с красным дипломом окончил политехникум в Риге по специальности инженер-архитектор.

Недалеко от второго садового хозяйства по адресу Лицейская 14 он строит на участке деда деревянный жилой дом с четырьмя квартирами и ателье на втором этаже. В доме проживают семья Альфреда Зевига с женой Эммой, урождённой Эйлерс, и тремя детьми, Алида Зевиг, мать Альфреда Зевига, мои родители с тремя моими братьями, а также Константин с женой Гертрудой, урождённой Паулиг, и тремя детьми. В ателье работает Константин. Сад особенно красиво обустроивает Константин, изучавший садово-парковую архитектуру. Дом был снесён после 1945 года.

31 октября/14 ноября 1910 г. в этом ателье пастором Петрикирхе Вальтером проводится обряд крещения пятерых внуков деда, куда приглашены 77 человек. Красивое *большое фото*. Крестниками и крестницами были Элеонора Зевиг, Карин и Ирма Эйлерс, /дочери Константина / а также мои братья Альфред и Герберт.

В 1911 году дед пишет интересную автобиографическую работу «Как я стал садоводом».

### *Работа*

1913 г. – строительство жилого комплекса с двенадцатью просторными квартирами на Лицейской 2а (в настоящее время: улица Рентгена 4 (недалеко от станции метро Петроградская) и также относящимся к нему зданием во дворе, прилегающем к Архиерейской улице (в коммунистическое время: улице Толстого). Площадь земельного участка – 2 410 м<sup>2</sup>. Архитектор – сын Константин, работающий в архитектурном бюро Фредерика Лидваля. Лидваль был женат на Маргарите, дочери деда. Весной 1914 г. дед въезжает в 14-комнатную квартиру высотой с лестницу, которую видно отсюда с левой стороны улицы. Он живёт там с экономкой и сиделкой. Зимой 1914/15 года на собственные средства в квартире на первом этаже он сооружает лазарет для раненых русских солдат. *Фотографии*. Его дочери Маргарита и Эрика работают там медсёстрами, а младший сын Август – управляющим.



(В 20-е годы численность городского населения резко увеличилась.

Причиной тому послужило уничтожение крестьянского сословия и интенсивная индустриализация. Как и во всех больших городских домах, в этом доме было устроено общежитие (коммуналки). Многих семей из разных социальных слоев принудили ютиться в одной квартире, на каждую семью по комнате, на большую семью – по две комнаты. Все семьи готовили на одной кухне, пользовались одной ванной и одним туалетом. Теперь эти коммуналки мало-помалу ликвидируют и переселяют людей в панельные дома далеко за чертой города. Затем квартиры продают за дорогие девизы новоиспеченным богачам и иностранцам.)

В 1914 году насчитывалось пять цветочных магазинов. Главный располагался в доме на Невском проспекте 30. (Дом Энгельгардта, в бывшем бальном зале которого разыгрывается драма Лермонтова «Маскарад». Сегодня там находится Малый зал филармонии). Об этом магазине и примерах его цветочной продукции написана небольшая *публикация* в эрфуртском журнале «Биндекунст» от 15.10.1909. Самый дорогой представленный объект – заказанный царем траурный букет с золотыми и серебряными украшениями в виде листвы стоимостью в 20 000 золотых рублей, что соответствует на сегодняшний день почти полумиллиону немецких марок. Писатель Агнивцев во время эмиграции выразил свою тоску по родине в ряде стихотворений. Одно из них носит название «Букет Эйслера». Оно описывает воспоминание о букете из этого магазина.

*Текст на русском и перевод*

29.04.1914 – крещение моего двоюродного брата Георга со стороны Высоцкого, внука последнего. Последний совместный семейный праздник Высоцких, Эйслеров, Зевигов, Форемни (семья моей матери) и друзья.

*Фото*

Май 1914 г. – Большая Международная садоводческая выставка в Петербурге. Садоводство Эйслера представлено здесь его павильоном с особо качественными цветочными декорациями. Фирма Эйслера удостоена огромных почестей.

*Публикации и фотографии, большая фотография встречи с немецкими участниками*

28.06.1914 – убийство австрийского наследника престола в Сараево.

17.07.1914 – последняя запись в гостевой книге Терийоки. «Накануне опасных событий в Европе» собираются соседи и друзья. Запись моего отца: «Кто знает, когда мы увидимся снова?» Возможно, как немецкий офицер в резерве он уже получил предупреждение от немецкого посольства. Когда началась война, он находился в Германии. Его семья осталась в Санкт-Петербурге, но была выслана в октябре 1914 г. Моя мать до прибытия и несколько недель спустя не могла связаться с отцом и не знала, куда ей нужно ехать с тремя моими братьями. После трехнедельного пребывания в Стокгольме она получила от моего отца телеграмму и отправилась в Гауденц, где неподалеку был отец, которого назначили переводчиком на восточном фронте. В конце концов, она заселилась в квартиру в Любеке, которую приобрел для нее Филипп Паулиг, свёкор моего дяди Германа и Константина. Многие люди помогали ей в это тяжёлое время. Мы долго жили, окружённые подаренной, чужой мебелью.

23.07.1914 – Австрия выдвигает ультиматум Сербии.

01.08.1914 – начало Первой мировой войны. Война разлучает семьи детей деда друг с другом. Сыновья Герман и Гайо оказываются на немецкой стороне, зять Высоцкий и семья Форемни – на русской.

Сын Константин по состоянию здоровья был освобождён от службы в русской армии, затем подозревался в шпионаже, был сослан и, в конце концов, снова выпущен на свободу. После этого он живёт со своей семьёй на даче в Терийоки. 6 декабря 1917 г. Финляндия объявляет себя свободным государством. Прежде она находилась в составе России. Так как Терийоки тоже стал принадлежать финской территории, семье удалось после множества препятствий выехать за границу в Любек и прибыть туда 9 декабря 1918 г. См. с чувством написанные *воспоминания о 1906–1925 гг.* жены дяди Гертруды, ур. Паулиг.

Сестра Гертруды Марта также писала *мемуары*. Они описывают время с момента ее свадьбы с сыном деда Германом 4 декабря 1900 г. до начала войны в 1914 году. При этом, среди прочего, она также рассказывает о влиянии Германа на планирование, строительство и развитие третьего садового хозяйства, а также о начале дружбы с супругами Клаппротами. Овдовевший доктор Эрнст К. женился

на моей овдовевшей матери в 1936 году. Другое очень хорошее и трогательное *сообщение о дальнейшей судьбе эмигрантов* принадлежит Ингрид, дочери Фредерика Лидваля и его жены Маргариты, урождённой Эйлерс. Оно представляет собой интервью с русской журналисткой, напечатанное в 1993 году в русской книге «Невский архив», и содержит послесловие искусствоведа Кирикова, в котором тот высоко оценивает работы Лидваля. У нас есть их *перевод* на немецкий язык. Лидваль построил в Петербурге около 30 больших зданий, обладающих особым, важным для истории искусства значением. Среди прочего, гостиницу «Астория», которая была главной гостиницей города. К слову сказать, в петербургском музее истории выставлен пригласительный билет на уже запланированное немцами празднество в честь победы над Ленинградом!! Семья Лидваля шведского происхождения. Однако, дядя Фредерик, находясь в эмиграции в Стокгольме, очень страдал от того, что не мог получить заказы, сравнимые с теми, что он получал в Петербурге и которые соответствовали его творческому гению. Ингрид описывает очень образно его судьбу, также храбрую борьбу ее матери с ограничениями и, как счастье, свалившееся с небес, момент, когда старые петербургские друзья приходят в гости. То же самое я много раз переживал со своими родителями.

30.10.1914 – лишение титула поставщика двора.

*Текст*

Несмотря на это, продолжающиеся до конца 1914 года почести, связанные с присуждением медалей за заслуги в области садоводства.

*Публикация*

04.08.1917 – дед умирает на своей даче в Терийоки. За два месяца до этого его привезли сюда для оздоровления из Петрограда (так назывался город во время войны и после смерти Ленина) в сопровождении врача, медсестры и его сиделки. Тем самым он избежал Октябрьской революции и ее последствий, а именно лишения имущества. Он был захоронен в могиле своей второй жены. Из-за военных беспорядков невозможно было установить новый могильный памятник,

поэтому его имя не отмечено на надгробии. Родственники Высоцкие сделали соответствующую надпись на камне сбоку.

01.04.1919 сын деда Герман при поддержке своего тестя Филиппа Паулига строит садовое хозяйство в Штокельсдорфе под Любеком. После его смерти в 1928 году дело отца продолжил сын, а после смерти последнего в 1962 году – вдова Зигфрида Имгард вплоть до 1978 года.

---

1939–1945 – Вторая мировая война. Из 22 внуков 5 оказываются на русской стороне, 11 – на немецком, 6 – сохраняют нейтралитет. То же касается и их семей. Во время блокады Ленинграда от голода умирает дочь деда Хелена, 2 внучки и жена одного из внуков. 4 члена из русских семей во время войны пропали без вести.

В 1957 году жена сына Августа Люба приезжает из Гельзингфорса в Ленинград, чтобы навестить родственников. При этом она посещает и родственников Высоцких, после чего пишет об этом *сообщение*. Так мы узнаем о состоянии их здоровья. В 1984 году при первом посещении Ленинграда нам удается установить с этими родственниками связь, в особенности с потомками моей кузины Лили. Лили также пострадала во время блокады Ленинграда, была эвакуирована и, невзирая на предупреждение врача, начала есть по неосторожности. Два дня спустя она была мертва. Ее дочери Ирине было 15 лет, когда началась блокада. Ирина пережила 16 голодных смертей своих близких и друзей. Мертвых складывали на обочине дороги и доставляли на носилках или санях к месту массового захоронения. После войны оно стало высоко чтимым Пискаревским мемориальным кладбищем на северо-востоке города. Его посещение, а также находящегося там небольшого музея с памятниками войны не может никого оставить равнодушным.

Ирине в настоящее время 73 года. Несмотря на невероятно тяжелую судьбу по вине нашего государства именно она с особой сердечностью пошла нам навстречу. После ухода на пенсию восемь лет назад она продолжила работать. Недавно она была вынуждена оставить работу по состоянию здоровья. Вместе с

двумя кузинами Зевиг из Гельзингфорса мы попытались немного ей помочь. Ирина живёт вместе со своим внуком Сергеем и его женой Светланой в крошечной двухкомнатной квартире. 10 лет назад дочь Ирины Людмила, мать Сергея, гостила у нас три недели. С ней мы тоже нашли взаимопонимание. Кузина Ингрид Лидваль смогла помочь, заботясь о ней несколько месяцев у себя в Стокгольме.

Лишь в 1987 году мы смогли связаться с семьей моей матери, которая до ее свадьбы имела русское гражданство. Мы познакомились с двумя моими кузинами Форемни: Ниной и Женей и установили дружеский контакт. Особенно с Ниной мы очень много переписывались. Ей, как и моему брату Герберту и его жене Хельге, мы смогли помочь продуктами, болеутоляющими средствами, медицинскими препаратами, а также деньгами. Мы также начали переписываться с моим двоюродным братом Борисом, живущим в Красноярске в Сибири, и смогли помочь ему деньгами.

Все трое умерли вскоре после того, как мы установили с ними связь. Эта семья тоже пережила много трудностей. В начале 20-х гг. отец Георг, один из братьев моей матери, оставил семью с пятью детьми. Мать Маня, подруга и невестка моей матери, прилагала все усилия, чтобы прокормить детей. По ночам она пекла булочки, которые потом продавала на улице. В 1937 году по доносу соседа из КГБ она была арестована и расстреляна в Ленинграде по подозрению в шпионаже. Лишь в 1993 году, за год до смерти, Нина получила известие об официальной отмене приговора. Борис и Женя не смогли это пережить. В том же 1937 году, после расстрела матери, двое кузин были сосланы в Казахстан, однако в 1938 году вновь вернулись в Ленинград. В 1939 году они добровольно отправились на Дальний Восток с найденными между тем партнерами и потому избежали блокады. Дочь Жени Ольга и ее дочь Ирина гостили у нас три недели.

### **Дети Эммы Гезине и Германа Фридриха Эйслера, а также места их проживания после 1920 года.**

1. Хелена Элин Августа (1847–1942, умерла от голода во время блокады Ленинграда)

1894 г. – брак с Йозефом Высоцким (1866–1920, расстрелян Красной армией), Ленинград

2. Герман Август Генрих (1875–1928) брак с Марией Паулиг (1880–1957), Штоккельсдорф под Любеком

3. Гайо Георг Тьярко (1877–1832) брак с Марией Форемни (1883–1952), Любек и Гамбург, сын Август (1800) прожил лишь несколько дней

4. Константин Эрнст Иоганн (1881–1925) брак с Гертрудой Паулиг (1888–1963), Любек

5. Эмма Йоханна Хелена (1882–1968) брак с Альфредом Оскаром Зевигом (1874–1956), Хельсинки

6. Маргарита Фредерика (1885–1962) брак с Иоганном Фредериком Лидвалем (1870–1945), Стокгольм

7. Август Герберт (1889–1962) 1. Брак с Анной Эрнстиной Варва, Петербург и Терийоки, 2. Брак с Любой Петрофф (1897–1990), Терийоки и Хельсинки,

8. Эрика (1891–1974), 1. Брак с Вольдемаром фон Баумгартеном, 2. Брак с Евгением Саломеем, Петербург, 3. Брак с Гербертом Николем 1887–1982, Берлин и Ведель под Гамбургом

## **22 внука**

21 внука родились в Петербурге, я в 1916 г. в Любеке

К первому пункту – пятеро детей. См. о невероятно трагических событиях жизни этой семьи в моем докладе о судьбе семьи Высоцких,

*Доклад*

2.1. Герман (1901–1970), 1. Брак с Анитой Мюнцель (1900–1940), 2. Брак с Дженни Тальберг,

2.2. Ингеборг (1904–1985), брак с Йозефом Францем («Йост») Мильде (1892–1964),

2.3. Зигфрид (1906–1962), брак с Имгард Фааш (\*1909),

2.4. Рут (\*1907), брак с Карлом Альвином Карштадтом (1907–1982)

3.1. Гайо (1906–1965), 1. Брак с Антье Лизелоттой Войт (\*1921), 2. Брак с Розмариной Ган,

3.2. Альфред (1910-1981) брак с Лоттой Штейнберг (1916-1996),

3.3. Герберт Иоганн Джаббо (1910-1995), 2. Брак с Хельгой Штукмейер, урождённой Ганенс (\*1932),

3.4. Ганс Гюнтер Антон (\*1916), брак с Карен Нильсен,

4.1. Бруно (1909-1984) брак с Эли Акст (\*1912),

4.2. Карин (1910-1989) 1. Брак с Хаканом Федерли (1904-1973), 2. Брак с Гансом Иоахимом Нагелем (1910-1973),

4.3. Ирма (1910-1989), брак с Вернером Фрезе (1909-1973),

5.1. Алиса (\*1907)

5.2. Эллинор (\*1910),

5.3. Вольдемар (1912-1975), брак с Леонорой Стефанией Августой Крюгер (\*1924),

6.1. Свен Йохан (1909-1995), брак с Бритт Сольвейг Торборг Гайе (1916-1977),

6.2. Андерс Эрик (\*1911), брак с Аннагретой Йоханссон (1915-1980),

6.3. Ингрид (\*1913).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фотографии из архива А. К. Высоцкого



Г. Ф. Эйлерс и его семья — супруга Эмма Гезина и дети





Супруга Г.Ф. Эйлерса Эмма Гезина с сестрой и старшими сыновьями



МИНИСТЕРСТВО  
ИМПЕРАТОРСКАГО  
ДВОРА.

КАБИНЕТЪ  
ЕГО  
ИМПЕРАТОРСКАГО  
ВЕЛИЧЕСТВА.

Административный Отдѣлъ.

24. Апрѣля 1895.

№ 6398

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Однѣски  
179.

Административный Отдѣлъ Кабинета Его Величества, по приказанию Министра Императорскаго Двора, снѣмъ извѣщаетъ Потомственного почетнаго гражданина Германа Федоровича Эйлера о пожалованномъ 20 сего Апрѣля, Высочайшемъ соизволеніи на дарованіе ему званія поставщика Двора Его Императорскаго Величества, съ правами и льготами на вывѣскахъ его магазиновъ и садоводствѣ изображеніе Государственнаго герба, о чемъ выписка съ снѣмъ съобщена Снѣд. Издѣлательству. Сербовый сборъ оплаченъ

Завѣдывающій Административнаго  
Отдѣла Кабинета Его Величества (подп.) Посильовъ

Диплопроизводитель (скр) Дуринеръ

Диплом Г.Ф. Эйлера — поставщика Двора Его Императорского Величества